

Олег Н. ТРУБАЧЕВ

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ АБАЕВ И ЭТИМОЛОГИЯ

Василий Иванович постоянно учил нас примером своей жизни не отрывать деятельность ученого от всей его нравственной личности. Полагаю возможным поэтому и слово об Абаеве-этимологе начать с его личности.

В лингвистике есть понятие *инварианта* – некоего ядерного элемента, который, будучи отовсюду окружен вариациями, изменениями, сам изменениям не подвержен. Что может произойти с нами, если мы умеем в жизни только одно: варьировать? Я думаю, наше будущее в этом случае неплохо прогнозирует этимология и история значения одного польского глагола – *zwaǰiować* ‘сойти с ума, ошалеть, взбеситься’, а первоначально – ‘свариировать’... Так что безудержно варьировать небезопасно. Мне больше импонирует семантика и символика другого глагола – латинского *perseverāre* ‘преодолевать жестокие, неблагоприятные обстоятельства, самому укрепившись и став твердым’. Как видим, и из этимологии можно почерпнуть нравственный урок. Не ошибусь, если скажу, что фигура Абаева, человека и ученого, покоряет нас именно своей *инвариантностью* в истории наших общественных и научных течений.

Совсем несмешно, когда в нашей беспокойной действительности, особенно среди тех, кто быстро “варирует”, появился крикливый тип людей, требовательно зовущих всех, буквально всех к покаянию. Будем снисходительны к этим людям: как правило, это те, кто не так уж много сделал в жизни, поэтому возможность поучить других их приятно возбуждает. Ведь замечено, что учат, “как надо” работать, как правило тех, кто работал больше других. Этот небезопасный сорт поучателей и призывателей к покаянию, кажется, даже получил у нас меткое название “литературных чекистов”. Не будем их недооценивать, при всякой перестройке такие всплывают на поверхность, они мешают (и мешали) жить

таким хорошим работникам науки, как Василий Иванович Абаев, Федот Петрович Филин и, конечно, многим другим. Василию Ивановичу, конечно, вспоминалась другая – лингвистическая – “перестройка” пятьдесят лет назад, когда, между прочим, от него, уже знаменитого ученого и сложившегося уникального специалиста, назойливо требовали, чтобы он покался и перестроился. Возблагодарим судьбу, что этого не произошло, что нравственная тема “perseverāre”, скажем так, обозначила эту жизнь, вопреки всем и всему. Не будь этой несбиваемой верности своему собственному нравственному императиву, вряд ли мы имели бы, что имеем, и прежде всего – этот *magnum opus*, “Историко-этимологический словарь осетинского языка”, да и самого его создателя как личность в науке. Такая личность в науке украсит любую науку, и отраднo сознaвать, что это наше достояние, нам, которых почти что убедили, что мы оскудели именно личностями.

Том 1-ый своего Словаря Василий Иванович выпустил уже немолодым, пятидесятивосьмилетним человеком. Сколько было в истории науки примеров, что на этом история Словаря и кончалась, и всегда нашлось бы тому множество серьезнейших оправданий. Словарь был первый в своем роде, с двойной задачей – *историко-этимологический*, ничего подобного до сих пор по осетинскому языку не было. Абаев работал один, у жизни было предостаточно шансов оборвать эту нить, риск был огромен. Конечно, эти трудности сказались: том II Словаря увидел свет только через пятнадцать лет после I-го; еще через шесть лет последовал выход III-его тома, и лишь через десять долгих лет после III-его вышел завершающий том – IV-ый. Я так говорю, потому что все мы ждали этого завершения, мы “болели” за Словарь Абаева, мы – это те, кому небезразлична этимология и история иранских и других индоевропейских языков, этногенез народов – носителей этих языков. Я знаю, как называется то, что сделал Абаев: это подвиг в четырех томах. Говорю это с полным знанием дела, поскольку сам, с небольшим коллективом, работаю над многотомным этимологическим словарем славянских языков. Разумеется, все решает ответ на вопрос, как это было сделано. Словарь Абаева подтвердил и без того высочайшую научную репутацию Василия Ивановича: как говорится, *magna cum laude*. Это полезно иметь в виду, потому что сам автор, продемонстрировавший и на нынешнем чествовании великолепную самоиронию (“делать этимологические словари интересно и легко, надо только каждый день писать несколько строк и так – сорок лет...”), однажды сказал, думаю, слишком строго: “Не могу сказать: “полная неудача”. Но можно говорить о неполной удаче. Словарь мог бы содержать больше общегуманитарной (исторической и этнографической и пр.) информации”

(В. И. АБАЕВ. Как можно улучшить этимологические словари. – Этимология. 1984. М., 1986. С. 7-8).

Что же, советами Василия Ивановича, как улучшить наши словари, нельзя пренебрегать, и мы к ним еще вернемся. Но, как говаривал наш славный черноризец Храбр в своем “Сказании о письменах” добрых тысячу с лишком лет назад, – проще потом исправить, нежели впервые сделать. Печатавшийся на протяжении тридцати лет, созданный впервые в мировой иранистике и не оборвавшийся, доведенный до завершения одним человеком, – эти характеристики “Историко-этимологического словаря осетинского языка” всегда и во всем мире будут вызывать почтительное удивление.

Но можно по-человечески понять и Василия Ивановича: он собой не вполне был удовлетворен и не удовлетворился, видимо, никогда. Довольна собой только посредственность. Недаром греками было высказано мнение, что назвать себя *ὄλβιος* ‘блаженный, счастливый’ не вправе живущий, для этого якобы необходимо подведение всего жизненного итога; это мнение, между прочим, обосновывалось ими этимологически – *ὄλβιος* из *ὄλος βίος* ‘вся, целая жизнь’, версия не такая уж наивная, если принять возможную у ионических греков утрату густого придыхания (псилоза *ὄλος < ὄλος*), однако новые этимологические словари греческого языка предпочитают считать слово темным, забыв о догадке древних. Впрочем, тут надо сказать об одном признании, ибо это признание счастливого человека. Василий Иванович с глубоким удовлетворением говорит, что примерно тысяча экземпляров его Словаря разошлась в Осетии, значит, Словарь приобрели для своих библиотек далеко не одни только лингвисты, которых здесь, естественно, не так много.

А что касается пожеланий автора по улучшению этимологических словарей, они – в следующем. Нужно больше внимания этногенетическим процессам, говорит Василий Иванович. “Что такое этимологический словарь? Это – самый глубинный аспект исторического словаря. А что такое этногенез? Это – самый глубинный вариант истории народа” (“Как можно улучшить этимологические словари”. С. 8). Субстрат и прародина, как понимал Абаев, находятся в отношениях дополнительного распределения: где нет первого, там следует искать второе. Нужно внимательно учитывать лингвогеографические ареалы и их эволюцию, изоглоссы, связывающие области с близкими явлениями. Все это пища для истории языка, истории культуры. Новое слово, которое сказал здесь сам Абаев, – это перекрестные изголоссы, приоткрывающие действительную картину многодиалектной сложности каждого языка уже в его древнем состоянии. Это положение весьма актуально, если иметь в виду, что по сей день тео-

ретики оперируют по большей части понятием изначального бездиалектного единства языка. Отметим и такое пожелание Василия Ивановича, как призыв “больше внимания звуковой символике”. И это понятно. Глубинный взор такого этимолога, как Абаев, проникает сквозь толщу условного, мотивированного, образованного как бы “по соглашению” (*ῥέσει*), как сказал Сократ у Платона (диалог “Кратил”), говоря словами археологов – *весь культурный слой языка*. Но у истоков языка всегда был и будет слой *естественно возникших звуко-символов* (кратиловское *ῥόσει*), и живой язык никогда не утрачивает способности воспроизводить это свое “кратиловское” начало.

Семантика также, как правильно считал Василий Иванович далее, заслуживает с нашей стороны большего внимания. Верно замечено, что здесь обречены на неудачу все чересчур общие регламентации. Все они могут быть оспорены; языковая действительность всегда богаче их. “Семантика, – заметил Василий Иванович, – дама капризная. Ей присущи черты “женской логики”. От нее всегда можно ожидать каких-нибудь сюрпризов (“Как можно улучшить этимологические словари”. С. 21). Что ж, верно сказано – и о семантике, и о “женской логике”. Надо воспринимать и семантику языка и женскую природу вместе с присущей ей логикой такими, как они есть, а там, где не хватает средств науки, призывать на помощь жизненный опыт, здравый смысл, наконец – искусство. Вообще: антитеза *наука – искусство* во многом надуманна, меж ними нет полярной оппозиции, и сам Василий Иванович, выступая на своем девяностолетии, весьма уместно вспомнил итальянское возрожденческое понятие *gaia scienza* ‘веселая наука’ (мы бы сказали – наука с элементами искусства).

Бесспорно принят должен быть, далее, призыв Василия Ивановича: “Больше внимания реалиям исторической жизни народа, его материальной и духовной культуре”. Здесь сам автор вспоминает свой прекрасный этюд 1957 года о славянском *мѣдь*, название металла, меди, в котором он увидел первоначальное название страны Мидии, опираясь в этом не только на язык, но и на сведения археологии и истории о давней добыче металлов в Закавказье. Я назвал абаевский этюд о меди прекрасным, с таким же правом можно назвать его красивым, ибо *красивое есть убедительное* не только в искусстве, а и в науке (к вопросу о снятии упомянутой антитезы между ними). Как красива, например, постановка Абаевым славянского *мѣдь*, как он полагает, первоначально этнического названия (Мидия), в этнический – и одновременно словообразовательно-морфологический – ряд основ на *-i-*: *Русь, чудь, водь, жмудь, весь, ливь, емь, сумь, пермь, Скуфь* ‘Скифия’ (все это народности и страны древней Восточной Европы). Дру-

гой почтенный иранист говорит (правда, кажется, не зная об этой абаевской находке): «Всюду, где мы встречаем подлинно иранское производное в функции названия страны, представлено образование с суффиксом женского рода *-ī-*, именительный падеж на *-iš*: *H̄vārazmiš*, *Vāxtriš*, *Narahvatiš*» (O. Szemerényi. *Iranica V. – Monumentum H. S. Nyberg. II=Acta Iranica 1975. Teheran-Liege*, p. 348-349). Кто лишен чувства прекрасного, тот обречен не только в искусстве, но и в науке. Из личных ассоциаций: не так давно один оппонент упрекнул меня в наличии у меня “красивых построений”. Мне жаль моего оппонента: сам того, конечно, не желая, он сделал мне крупный комплимент.

А теперь – еще об одном суровом упреке Василия Ивановича, который он адресовал всем нам, кто числит себя этимологами, а значит, и себе самому, мастеру в этой науке. “В этимологии, – рассуждает Василий Иванович, – в отличие от других областей языкознания, переживших в наш век подлинную революцию, наблюдается методологический застой” (“Как можно улучшить этимологические словари”. С. 8). Застой... Все дело в том, в чьих устах прозвучали эти слова, – в устах строгого к себе и другим подвижника науки, каков Абаев, или, боже упаси, конечно, если возьмет их “на вооружение” кто-то из “литературных чекистов”, особенно если умыслит он “поприжать” этимологию и этимологов.

О существе проблемы: не всякий застой есть стагнация, как говорится. Это во-первых. Занимаясь сопоставлением этимологических словарей с историческими словарями и того, что о них думают другие лингвисты, со своими наблюдениями, я пришел в свое время к выводу, что большинство важных семантических изменений фондовой лексики состоялось еще до появления письменности и *вскрывается этимологически* (это относится не только к младописьменным языкам, но – что интересно – также к древнеписьменным, в их числе и таким, письменность которых насчитывает более тысячи лет, например славянские, и даже таким, как греческий, письменная история которого до наших дней исчисляется тремя с половиной тысячелетиями), а на долю так называемых *исторических* словарей приходится уже период *покоя*. Покой есть жизнь, а не смерть, наиболее плодотворная, быть может, фаза жизни, созвучная со *свойством языка оставаться самим собой, даже изменяясь*. Покой не чужд насыщению и обновлению сил, как раз наоборот. То, что имеет место в этимологии, лично я назвал бы именно этим более одобрительным словом: деятельный покой, а не “застой”. Развивая мысль, скажу (что говорил, помнится, и ранее, на восьмидесятилетия нашего юбиляра), что *этимология не должна иметь “своих особых принципов”, они для нее едины с принципами и законами всего сравнительного языкознания* (эти принципы мож-

но сейчас сформулировать следующим образом: сравнительное языкознание плюс лингвистическая типология плюс внутренняя реконструкция, но это не поколеблет основ да и зачем их колебать всеу, это уж кому что нужно: кому-то, возможно, “нужны великие потрясения”, а нам нужна хорошая этимология...). Чтобы покончить с тем, что я обозначил выше пунктом “во-первых”, добавлю, что лично меня жизнь моя научная все более учит склониться к некоему аналогу того, что в русской философии называется *русская школа всеединства* Вл. Соловьева, убедительно выступившего еще в прошлом веке со своей “Критикой отвлеченных начал”. Разве каждый из нас не имел серьезного повода убедиться, что и у нас преувеличенно “строгие” методы, наши лингвистические “отвлеченные начала” не самодостаточны, а скорее ограничены, исчерпаемы, что *язык един, наука о языке едина*, что мы не только этимологи, а прежде всего лингвисты.

Теперь скажу кратко о том, что “во-вторых”, – о том, что называют революцией “в других областях языкознания”. При всех минусах нынешней нашей переходной эпохи, мы должны быть благодарны ей в главном: она открыла нам глаза на *самоистребляющую* суть всяческих революций, на их способность к *самооткату*. Разве не подвергаются практическому пересмотру краеугольные положения соссюрианской революции в языкознании, разве постепенно не утрачивает свою актуальность, например, эта *антитеза языка и речи*? Разве не утрачивает доказательность тезис о том, что *весь язык есть система*, то есть есть якобы нечто неподвижное, “*où tout se tient*”? Разве выдерживает испытание временем и материалом куриловичевский *изоморфизм* всех уровней языка – фонетики/фонологии, словообразования/морфологии, семантики (вплоть до синтаксиса – у нынешних генеративистов и трансформатологов)? Разве не логичнее сейчас говорить об “анизоморфизме” уровней языка, об их автономии? Эти уроки жизни умудряют, правда, отбирая порой лишние силы. Что ж, на то они и уроки жизни. Да и мы в этимологии все же сегодня не “у разбитого корыта” (это – к вопросу о феномене “самооткатности” революций в жизни и науке, которые, слава богу, не “перестроили” этимологию в худую сторону). Думаю, что и о всеобогатяющей силе жизненных уроков дает нам повод вспомнить замечательное нынешнее девяностолетие ученого и человека.

Итак, повторяю, мы сегодня отнюдь не у “разбитого корыта”. Наша этимология и этимологическая лексикография, как и наши этногенетические исследования котируются высоко во всем мире. Если наша философия вместе с нашей новейшей историей легла как бы в затяжной дрейф, то в филологии, главным образом лингвистической, нашими учеными

сохраняются передовые позиции. Ученая деятельность Василия Ивановича Абаева и ее мировой престиж доказывают это. Научный вес и значение его исследований всегда далеко выходят за рамки, скажем, специального осетиноведения, что проистекает от исключительного авторского умения за частным увидеть общее, поставить материю родного языка в связь с широким кругом других языков и культур. Читательская аудитория Словаря Абаева и других его известных трудов соответственно тоже широкая и состоит далеко не из одних только иранистов и осетиноведов. К последним, например, не принадлежит и ваш покорный слуга, славист, имеющий честь причислять себя к постоянным читателям всего выходящего из-под пера Василия Ивановича. Так и недавно вышедший, завершающий том IV-й Словаря Абаева прочтут, внимательно просмотрят с пользой для себя специалисты по самым разным языкам – не только славянским, у которых с иранскими языками так много давних общих проблем, но и по балтийским, по латинскому, по германским, которые участвуют в “скифо-европейских изоглоссах”, выявляемых Василием Ивановичем. А сколько захватывающих сюжетов из истории культуры тут еще ждет своих будущих исследователей? Им облегчит путь изучение таких блестящих прецедентов в этой области, как абаевское исследование осетинского *Wærgon*, имени бога-кузнеца, в его связях с латинским именем равнофункционального персонажа – *Volcānus* (и то и другое на базе кulta волка и его забытого названия **volcus*, **vulcus* в латинском, где, как известно, возобладало инодиалектное по происхождению *lupus*, и равным образом утраченное осетинское **wærg* ‘волк’; сохранились и там и тут производные *Volcānus*, *Wærgon*, что чрезвычайно поучительно). За подобными встречами слов стоит очень многое из прошлого самих народов. И здесь по-прежнему остается немало неразведанного и манящего. Мы по-прежнему представляем себе слишком схематично и неизбежно упрощенно, скажем, те же древние славяно-иранские отношения как отношения двух монолитов, здесь найдется работа и для этимологии, и для лингвистической географии. Я не буду сейчас останавливаться на своей давней уже попытке вскрыть заинтересовавший меня эпизод древних диалектных славяно-иранских лексических связей, который я обозначил тогда как *polono-iranica*. Как не менее интересный пример совсем противоположного рода – а именно, когда предпринимается попытка обосновать, вопреки сложившейся традиции, как раз *неиранский* генезис славянского слова, обычно зачислявшегося в иранизмы, позволю себе кратко упомянуть еще не опубликованное исследование, которое автор, молодой польский ученый К. Витчак из Лодзи, прислал в редактируемый мной сборник “Этимология”. Суть его в том, что загадочное древнерусское имя божест-

ва *Рьгль* (засвидетельствованы формы *Рьгла*, *Рьглу*, в сочетании с другим именем *Сима*, *Симу*, *Сѣма*), обычно читаемое как некое слитное *Сѣмарьгль*, *Симарьгль* (Повесть временных лет) и объясняемое в литературе весьма различными способами, в том числе и как заимствование иранского демонического имени Симург, польский автор этимологизирует как самостоятельное местное исконное славянское соответствие древнеиндийскому *Rudrá-*, божество буйства и природных сил, – ниоткуда, повторяю не заимствованное, но преобразованное на новгородском Севере в форму *Рьгль* закономерным фонетическим путем из праславянского **Rьdlь*, восходящего, далее, к индоевропейскому **rudlos*, к которому возводится, в свою очередь, и имя индийского Рудры, в иранском языковом материале, кстати, неизвестного. Как бы то ни было, этот образчик не только смелой, но и довольно расчетливой этимологической комбинаторики демонстрирует далеко не исчерпанные ресурсы этимологии и реконструкции древней культуры и этноязыковых отношений.

Нам, неиранистам, хорошо видно глобальное значение этимологического осетиноведения. Этнолингвистическая реконструкция исторического прошлого небольшого народа на Северном Кавказе уводит в такие дали и обретает масштабы, которые поражают воображение. Распространение скифов в древней Евразии от Карпат на Западе до Алтая на Востоке с глубоким проникновением в Переднюю Азию на Юге, еще бо́льшая экспансия летучего сарматско-аланского элемента (в Западной Европе – не только до островков вроде *Alainville*, этимологически – ‘город аланов’) во Франции, к югу от Парижа, о чем упомянул проф. Ж. Лазар в своей приветственной речи на 90-летию В. И. Абаева, но и дальше, вплоть до Британских островов*, а на Дальнем Востоке – до островов Японии, ибо на обеих этих перифериях находят следы скифско-сарматского культа меча. Можно сказать, что древняя история не знала другого такого примера. И вот – все прошло, как в библейском Экклезиасте. Но золото скифов поныне лежит в земле. Другие народы давно населяют эту землю, но до сих пор называют они реки Юга Украины и России этимологически скифскими, сарматскими, аланско-осетинскими именами. Трудно представить себе, что это может измениться в каком-либо отдаленном будущем. Скифский мир с его языком и культурой не исчез без следа, он рас-

* О скифском культе меча, воткнутого в землю, и восходящей к нему рыцарской традиции круглого стола короля Артура см. специально: С. Scott-LITTLETON. From swords in the earth to the sword in the stone: a possible reflection of an Alano-Sarmatian rite of passage in the Arthurian tradition (1). – Homage to G. Dumézil. Ed. by E. C. Polome (=Journal of Indo-European Studies. Monograph No. 3). Washington, D. C, 1982, p. 53 и сл.

творился и ушел в нас, живущих и населяющих эти обширные пространства. Это – часть нашего самосознания, часть нас самих. Я не стану цитировать Блока, скажу лишь, что нет дела почетнее и труднее, чем дело раскрытия истоков, питающих наше самосознание, где наряду со многими другими началами навсегда отпечаталось также скифское. В этом – глубокий смысл *этимологии* ‘науки об истинном’, то, что выносится за скобку ее исследовательских процедур и громоздких знаний. Пожизненно выполнять с неизменным успехом эту работу способны лишь немногие. Тем выше наша благодарность В. И. Абаеву – *Мастеру великой науки Этимологии*.